

УДК 323.23:712.25:791(470.54)

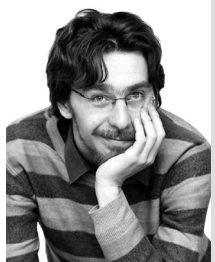
DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_122

ОБ ИТОГАХ СЕМИНАРА «ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА К ПОВЕДЕНЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ. ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАРКОВАЯ КУЛЬТУРА 1920–1930-Х ГОДОВ НА УРАЛЕ»*

Ирина Борисовна Фан,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
irina-fan@yandex.ru

Евгений Ильич Рабинович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
svet-evg@mail.ru

Мария Владимировна Воробьева,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
vorobyova-mariya@yandex.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования

© Фан И.Б., Рабинович Е.И., Воробьева М.В., 2022

Статья поступила в редакцию 08.08.2022, принята к публикации 29.08.2022

Для цитирования: Фан И.Б., Рабинович Е.И., Воробьёва М.В. Об итогах семинара «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале» // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 122–136. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_122

Аннотация

Статья подводит итоги научного теоретического семинара «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале», состоявшегося 18 мая 2022 г. на базе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Участниками семинара рассмотрены разные типы гражданственности в публичном российском дискурсе настоящего времени и в исторической перспективе. Выделены дискурс «дворянской гражданственности» (имперский дискурс); либерально-демократический дискурс (конец XIX – начало XX вв.; 1990-е – начало 2000-х гг.); советский дискурс квазигражданственности и его варианты; современный официальный дискурс гражданственности и патриотизма. Сделан вывод о доминировании в истории России официального, властного дискурса гражданственности. Помимо этого, на семинаре на примере садов и парков Свердловска 1920–1930-х гг. продемонстрировано, как менялся подход к работе с посетителями и сокращалась их возможность влиять на функционирование парковых пространств. Прочерчена линия от активного включения граждан в процесс конструирования досуговых практик в парковых пространствах, более характерного для 1920-х гг., до культивирования пассивного отдыха в 1930-е гг. Обозначен фон этого перехода в виде модификаций государственной политики в области парковой культуры. Выявлена роль парков культуры и отдыха в формировании новой иерархии парковых пространств, отстранении посетителей от возможности создавать досуговую повестку, влиять на работу парков и, как результат, превращении посетителя парка в пассивный объект воздействия власти.

Ключевые слова:

гражданственность, исторические типы гражданственности, идеологический конструкт, риторические стратегии власти, сады и парки, работа с посетителями, конструирование досуговых практик, Свердловск.

гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

UDC 323.23:712.25:791(470.54)

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_3_122

ON THE RESULTS OF THE SEMINAR “FROM AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT TO BEHAVIORAL MODELS. THE OFFICIAL DISCOURSE OF CIVIC CONSCIOUSNESS AND PARK CULTURE IN THE 1920S – 1930S IN THE URALS”

Irina B. Fan,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
Irina-fan@yandex.ru

Evgeny I. Rabinovich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
svet-evg@mail.ru

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
vorobyova-mariya@yandex.ru

Article received on August 08, 2022, accepted on August 29, 2022

For citation: Fan, I.B., Rabinovich, E.I., Vorobyeva, M.V. (2022). On the Results of the Seminar “From an Ideological Construct to Behavioral Models. The Official Discourse of Civic Consciousness and Park Culture in the 1920s – 1930s in the Urals”. *Discourse-P*, 19(3), 122–136. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_3_122

Abstract

The article summarizes the results of the scientific theoretical seminar “From an ideological construct to behavioral models. The official discourse of civic consciousness and park culture in the 1920s – 1930s in the Urals”. The seminar was held on May 18, 2022, at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg). The seminar participants considered different types of civic consciousness in the public Russian discourse of the present time and in a historical perspective. The discourse of “noble civic consciousness” (imperial discourse); liberal-democratic discourse (late 19th – early 20th centuries; 1990s – early 2000s); Soviet discourse of quasi civic consciousness and its variants; modern official discourse of civic consciousness and patriotism are revealed. The conclusion is made about the dominance

of the official, authoritative discourse of civic consciousness in the history of Russia. In addition, the seminar demonstrated on the example of gardens and parks of Sverdlovsk in the 1920s and 1930s how the approach to working with visitors was changing and their ability to influence the functioning of park spaces was reducing. It is shown that the active involvement of citizens in the process of designing leisure practices in park spaces in the 1920s was replaced by the cultivation of passive recreation in the 1930s. The background of this transition is indicated in the form of modifications of the state policy in the park culture. The role of recreational parks is revealed in the formation of a new hierarchy of park spaces, the removal of visitors from the opportunity to create a leisure agenda and influence the work of parks and, as a result, turning a park visitor into a passive object impacted by the authorities.

Keywords:

civic consciousness, historical types of civic consciousness, ideology, ideological construct, rhetorical strategies of power, gardens and parks, working with visitors, designing leisure practices, Sverdlovsk.

Введение

Научный теоретический онлайн-семинар «От идеологического конструкта к поведенческим моделям. Официальный дискурс гражданственности и парковая культура 1920–1930-х годов на Урале» состоялся 18 мая 2022 г. на базе Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Участники семинара доложили об итогах промежуточного этапа своей работы в рамках проекта № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга», финансово поддержанного грантом РФФИ и Правительства Свердловской области.

Актуальность выбранной участниками семинара тематики определена несколькими обстоятельствами. Противоречивое сочетание тенденций глобализации и локализации культуры, ее плюрализации и фрагментации, снижение роли классических идеологий и появление идеологий эклектических и универсальных, трансформация культуры под влиянием новых информационных технологий и новой власти медиа – факторы, трансформирующие прежние формы политической культуры и ментальности, политического поведения и идентичности индивида, социальных групп и общностей в мире и России. При этом новые информационные технологии и СМИ зачастую служат инструментом манипуляции общественным мнением, способствуют консервации политического порядка и архаизации культуры и ментальности. В результате массовый индивид превращается в глобального потребителя, теряющего политическую, моральную и духовную автономию. Результатом новых форм и технологий контроля со стороны элит становится «конструируемый» индивид как пассивный объект государственного управления. В этой связи является актуальным анализ роли концепта гражданственности в государственной политике и социально-политической жизни общества.

Особое значение имеет изучение советского типа гражданственности и его эволюции на материале исследования публичных парковых пространств (садов, скверов, парков) г. Свердловска/Екатеринбурга. Важно понять, как один из факторов, в данном случае парковая культура, влияет на наличие разнообразия, необходимого для развития (модернизации) общества. Это соответствует ключевым трендам современной гуманитаристики – переходу к микроистории и *case studies*, а также к постколониальным исследованиям и исследованиям в духе концепции внутренней колонизации. В русле этих подходов ракурс научного интереса смещается от конструирования глобальных исторических, социальных и прочих нарративов к исследованию повседневности и конкретных историко-культурных феноменов, от преимущественного изучения опыта столиц (метрополий) к изучению опыта регионов (колоний).

Участники семинара, раскрывая и конкретизируя в своих докладах обозначенные выше тематические области и проблемы, сосредоточились на двух разных, но пересекающихся сферах социальной реальности. Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник *Ирина Борисовна Фан* (Институт философии и права УрО РАН) открыла семинар докладом, посвященным типам российского дискурса гражданственности, ее константным и переменным составляющим в исторической перспективе. Кандидат культурологии, доцент *Евгений Ильич Рабинович* (УрФУ) и кандидат культурологии, научный сотрудник *Мария Владимировна Воробьева* (Институт философии и права УрО РАН) продолжили семинар докладом о подходах к работе с посетителями, бытовавшими на протяжении 1920–1930-х гг. в садах и парках города Свердловска. Далее в статье раскрыто основное содержание представленных на семинаре докладов.

О дискурсе гражданственности и ее аналогах в истории России

Термин «гражданственность» часто употребляется в публичном российском дискурсе. Близкий термин – патриотизм, эти слова в официальной риторике, как правило, идут в одной связке, а их значения оказываются взаимозаменяемыми. Однако уже показано, что существует политическая борьба за идентификацию понятия патриотизма со стороны разных политических субъектов (Мартынов и др., 2020). С понятием гражданственности похожая ситуация.

Множество публикаций последних лет по данной тематике можно разделить на три основных вида дискурса: 1) публичный, или идеологический; 2) педагогический, или дидактический, тесно связанный с государственной идеологией; он ориентирован на учебные учреждения, особенно на военные; 3) научный дискурс. В англо-американской и отечественной политической науке с позиций ряда теоретических подходов исследуются понятия политической культуры, гражданского сознания и самосознания, гражданской идентичности и ответственности (Alexander, 2000; Almond & Verba, 1989; Rosenbaum, 1975; Малинова, 2006; Патрушев и др., 2020; Фан, 2009, 2013), по элементам структуры они коррелируют с понятием гражданственности.

Мы сосредоточимся на анализе примеров публичного, преимущественно официального дискурса. Первый тип дискурса гражданственности в истории

России – «дворянская гражданственность» (имперская) (Фан, 2021). С позиций исторического анализа язык гражданственности XVIII в. обусловлен контекстом внеязыковой – социально-политической – реальности. Язык гражданственности, сложившийся в среде российских элит под западноевропейским влиянием, использовался для описания крепостного права («рабства»), оправдания сложившихся отношений господства и подчинения между помещиками («свободными») и крестьянами («рабами»). Данный язык с XVIII в. до XVIII съезда ВКП(б) являлся одной из риторических стратегий власти и способом осмысления социальной структуры российского и советского общества как структуры неравенства. В рамках этой риторики считалось, что дворяне, которым пожаловали свободу, т. е. даровали права и вольности, стали добровольно и сознательно стремиться к государственной службе, отождествляемой с «общим благом». Дворяне обрели «социальную зрелость» и черты «истинного гражданина», т. е. гражданственность. Крестьяне же, как «социально незрелые» и обладающие низкой сознательностью в службе государству, подобны рабам; «доброму помещику» и государству приходится принуждать их к службе «общему благу» с помощью крепостного права. Риторика гражданственности оказалась инструментом консервации крепостного права и идеологической легитимации социального неравенства в XVIII столетии.

Лингвистический анализ употребления слова «гражданин» в официальном (Регламент Петра I и Грамота городам Екатерины II) и публицистическом дискурсе XVIII в. согласуется с историческими исследованиями. Ключевой смысл русского концепта «гражданин» – доминирование идеологического и риторического, а не прагматического содержания термина (Дуринова, 2015, с. 34). Слова «гражданин» и «подданный» стали синонимами.

Второй тип дискурса гражданственности в истории России – либерально-демократический, близкий по содержанию западноевропейской политической мысли эпохи Модерна (Фан, 2010). Он присутствовал в публичном пространстве России в конце XIX – начале XX вв., а также в 1990-е – начале 2000-х гг. Этот дискурс развивался в связи с реформами Александра II, но при Александре III оказался на периферии публичной сферы. Российские философы права и цивилисты конца XIX в. – К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, даже высшие чиновники, например, С. Ю. Витте, представители ряда политических партий – были сторонниками данных идей. Вся проблематика гражданского общества, гражданского самосознания, гражданской политической культуры, прав гражданина и человека относится к этому дискурсу.

Третий тип дискурса о «новом человеке», отношениях индивида и государства и морально-политическом облике советского гражданина характерен для советской истории. В нем можно выделить конкретные этапы.

1. Большевистский дискурс «нового человека» (Фан, Багичева, 2021). В определенном смысле его можно считать аналогом дискурса гражданственности, в котором произвели подмену значений. В термине пропадают значения автономии и активности гражданина, его прав, остаются лишь обязанности перед государством.

Идеологический дискурс большевиков о формировании «нового человека» характеризуется двойственностью. С одной стороны, он содержит утопические представления о коммунизме и человеке; с другой – включает отношение к ре-

альным трудящимся как к «бескультурному» безграмотному «человеческому материалу», нуждающемуся в «переплавке», переделке его природы, во внесении в него «коммунистической сознательности и морали». К концу 1920-х гг. рядовой советский гражданин был лишен всякой автономии и самостоятельности, должен был подчиняться жесткой сознательной дисциплине и находиться под контролем партии и системы государственного принуждения. Эти черты большевистского дискурса легли в основу советской политической культуры.

2. Тип дискурса о человеке в сталинской политической культуре. В XX в. риторика гражданственности имитировала радикальную борьбу большевиков с неравенством. Эта борьба в целях коллективизации и индустриализации нанесла удар по крестьянству, но не уничтожила неравенства между партийной номенклатурой и населением. Подавление гражданского общества государством породило кризис демократической гражданственности (гражданского самосознания, гражданских и политических прав, реального политического участия). Однако советская идеология и культура создают фиктивную форму – квазигражданственность как лояльность действующей власти.

Сталинская политическая культура, формируемая структурами партии, действовала как машина конструирования «героя», с одной стороны, и «воспитания» («перековки») массового индивида, с другой. Это была совокупность репрессивных социальных, политических, культурных, педагогических и иных технологий и практик, направленных на производство личности, обладающей нужным партии и государству набором морально-политических качеств – коммунистической сознательностью, дисциплинированностью, коллективностью, патриотизмом и т.п. Однако на практике идеал человека не был воплощен, поскольку представлял собой мифологему, утопический образ. В сталинской политической культуре не учитывалась повседневная реальность, условия существования, потребности и интересы массового индивида. Поэтому фактическим продуктом этой политической культуры (как социальной инженерии) стал амбивалентный советский человек как доминирующий социальный тип.

3. Идеал советского человека в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Этот кодекс в качестве элемента третьей Программы КПСС был утвержден в 1961 г. на XXII съезде партии. По сути, это наследие сталинского этапа партийно-государственного строительства, обновленная версия большевистской идеологии, в которой сформулирован партийно-государственный заказ на массового индивида. Двенадцать принципов «Морального кодекса» делятся на политико-идеологический, общественно-трудовой и гуманистический блоки. Первый блок включал такие требования к человеку, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и странам социализма; высокое сознание общественного долга, дружбу и братство народов СССР; нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братскую солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами. Общественно-трудовой блок акцентировал добросовестный труд на благо общества, коллективизм и товарищескую взаимопомощь и др.

Четвертый исторический тип – современный официальный дискурс гражданственности. Выступления Президента РФ – доминанта данного типа публичного дискурса, в нем видна тенденция мобилизации патриотизма и гражд-

данственности. Этот государственный заказ реализуется по всей вертикали власти в виде планов и отчетов о мероприятиях патриотической направленности в разных культурных и образовательных учреждениях страны. Заметен рост количества фильмов, посвященных Великой Отечественной войне. В программах патриотического воспитания граждан доминирует государственная модель гражданственности в России.

Итак, в истории России почти всегда, за исключением некоторых периодов, доминировал официальный дискурс гражданственности или ее аналогов (замен). Можно выделить главные черты данного дискурса. Гражданственность предстает как гибридный идеологический конструкт, представляющий собой комбинацию терминов и их значений из разных видов идеологии. Гражданственность выступает в качестве риторической стратегии власти. Язык гражданственности чаще всего выражал и до сих пор выражает отношения господства/подчинения, неравенства, правящего сословия и большинства населения, т.е. подданства. В дискурсе гражданственности представлена политическая мораль правящих слоев общества и государства. Инвариантный для российского дискурса смысл понятия гражданственности принципиально отличается от европейского дискурса, поскольку в нем преимущественно акцентировалась лояльность власти, а политическая активность и коллективное социально-политическое действие затушевывались; о конституционных правах гражданина говорилось исключительно декларативно.

**От актора к потребителю «культурных услуг»:
трансформация работы с посетителями
в парках Свердловска 1920–1930-х гг.**

С началом 1920-х гг. в Советской России разворачивается масштабный проект по созданию человека принципиально нового (с точки зрения идеологов эпохи), не существовавшего ранее типа. Этот проект напрямую связан с конструированием форм гражданственности, предполагающих новые отношения человека и общества, человека и государства, общества и государства. Оговоримся сразу, что термин «гражданственность» в раннесоветское время не использовался, однако существовал сам феномен гражданственности как значимый элемент политического сознания, создаваемый во многом усилиями власти. В реальном словоупотреблении находились понятия «гражданин» и «гражданка» в качестве обращений. Заметим, что их использование имело разные смыслы, менявшиеся с течением времени. Сразу после революции и в начале 1920-х гг. обращение «гражданин» считалось революционным завоеванием, сменив прежнее «господин» и знаменуя равенство всех людей как граждан одного государства. Но постепенно это обращение приобрело сугубо официальный оттенок, а с конца 1920-х гг. и вовсе начало отсылать к практикам, связанным с судебной системой («гражданин следователь», «гражданин подсудимый» и др.), в рамках которой обращение «гражданин» по контрасту с обращением «товарищ» предполагало временное, потенциальное или фактическое поражение в правах. В дальнейшем подобное положение закрепилось: обращение «гражданин» негласно считалось возможным либо в сугубо официальной обстановке, среди незнакомых друг другу людей, либо стало маркиро-

вать пораженных в правах, которых больше нельзя было называть товарищами и которые, в свою очередь, утратили право считать товарищами других. Что касается слова «гражданка», то в дополнение к двум упомянутым выше контекстам оно циркулировало внутри повседневного-бытового пласта словоупотребления и там могло иметь сниженную, ироническую коннотацию – «гражданка, не толкайтесь!» (Синявский, с. 302–304). Можно сделать вывод, что в течение 1920-х гг. понятие «гражданин» совершило дрейф от возвышенного понятия, объединяющего людей, подчеркивающего их единство и равенство, к понятию разъединяющему, обозначающему иерархию внутри общества и государства, маркирующему официозное поле взаимодействия, а также к понятию, которое можно использовать в ироническом контексте. Это пояснение представляется нам важным, поскольку здесь мы используем понятие «гражданственность» вне нарративов, предлагаемых исследуемым периодом.

Трансформации понятия «гражданин» отражали изменения внутри конструкта гражданственности в целом, а также сопутствующих ему социальных практик. Чтобы увидеть выпукло и зримо эти трансформации, обратимся к советским парковым пространствам изучаемого периода. Принимая во внимание огромный массив возможной источниковой базы (архивные документы, мемуарная литература, пресса), мы ограничим наше исследование географически – парками города Свердловска. С учетом квазистолничного статуса Свердловска в изучаемый период (он был столицей огромной Уральской области) мы можем получить, на наш взгляд, достаточно адекватное представление о парковых практиках работы с посетителями за пределами столицы (парки которой здесь интересны нам, скорее, как идеалообразующие в официальном дискурсе).

В 1920-е гг. одними из основных площадок для формирования новой гражданственности стали сады и парки. Заметим, что до конца десятилетия термин «парки» почти не использовался как в быденном языке, так и в официальных документах (особенно в провинции). «Сады» станут именоваться «парками» лишь после развертывания многочисленных проектов парков культуры и отдыха, пытавшихся копировать на региональном уровне столичный опыт (Кухер, 2012). Главной проблемой садов и парков 1920-х гг. являлась необходимость воспитания «нового человека» – нового советского гражданина, но в действительности конкретной схемы реализации этой амбициозной и непростой задачи не существовало. Фактически поиск решения был отдан чиновникам на местах, и провинциальные парки оказались, в определенной мере, пространством свободы. С одной стороны, у администрации садов и парков имелся обязательный план пропагандистских мероприятий, который надлежало выполнить. С другой стороны, сады и парки в то время функционировали на условиях самокупаемости, что не позволяло пренебрегать потребностями публики. В итоге администрации садов и парков поневоле стремились соответствовать требованиям посетителей, представляя по большей части аполитичную, развлекательную программу с вкраплениями обязательных идеологически нагруженных мероприятий, формально отчитываясь последними перед руководством. В качестве примера можно привести самый престижный свердловский сад 1920-х гг.: «Гулянье, устроенное в саду совторгслужащих 1-го августа, по своему плану, должно было быть посвящено международному красному дню. Но на самом деле ничего, кроме 2–3 лозунгов и небольшого доклада, о теме вечера не напоминало. Ряд цирковых номеров,

роликобежцы и несколько тупых попыток на остроумие сатирика Пехановича, вот что включил в программу вечера, посвященного антиимпериалистическому дню, сад совторгслужащих» (цит. по: Воробьева, Рабинович, 2021, с. 109). Такой подход позволял работникам парка угодить и партийному руководству, и публике: отчитаться о проведении идеологических мероприятий и при этом удовлетворять потребности посетителей, наполняя кассу. Нетрудно предположить, что усилия по воспитанию нового советского человека и его гражданских чувств имели в таких условиях весьма сомнительную эффективность (Воробьева, Рабинович, 2021).

Немаловажным было еще одно обстоятельство. С известной долей осторожности можно утверждать, что в 1920-е – начале 1930-х гг. существовала зависимость парковых активностей от горожан, даже если это носило и косвенный характер. Так, например, сады часто являлись приклубным пространством, т. е. были вынесенной за пределы помещения территорией клуба завода или фабрики. Соответственно, актив предприятия (обычно связанный с профсоюзом) мог влиять на работу таких парков: снимать с должности руководство или как минимум публично его критиковать, значительно корректировать содержание и структуру проводимых мероприятий.

Значимым для 1920-х и начала 1930-х гг. в относительно крупных городах СССР представляется также конкуренция между садами и парками. Пример Екатеринбург/Свердловска здесь характерен: в городе существует несколько парковых пространств, которые вынуждены бороться за посетителей, обладая формально одинаковым статусом. В такой ситуации даже политически пассивные посетители (не входящие, к примеру, в профсоюзный актив) оказывали значительное влияние на парковую политику, голосуя «ногами и рублем». Не соответствующий потребностям горожан сад или парк проигрывал в конкурентной борьбе другим, терял доходы и получал проблемы с отчетностью (в том числе по идеологически нагруженным мероприятиям, поскольку на их организацию тоже требовались деньги). Приведем пример двух свердловских садов, которые столкнулись с финансовыми сложностями во время проведения антиалкогольной кампании, отбившей многих посетителей. В саду «Серп и молот» вместо продажи алкоголя решили привлекать публику выступлениями приезжих артистов. Однако после первой постановки выручили всего 57 руб. и заплатили артистам 300 руб. В саду им. Большакова при Ленинской фабрике запрет на продажу алкоголя отразился на материальной среде: в саду стало грязно и непривлекательно, поскольку, видимо, дворника уволили из-за недостатка финансов (Воробьева, Рабинович, 2021, с. 106). Таким образом, в описываемые годы горожане влияли на структуру и содержание парковых активностей как прямым, так и косвенным путем.

В первой половине 1930-х гг. ситуация начинает меняться на основе образа, заданного московским ЦПКиО имени М. Горького. Этот эталонный парк СССР был открыт в 1928 г., но в провинцию идеология необходимости создания принципиально главного, центрального парка региона приходит в начале 1930-х гг. В региональных центрах по стране постепенно создаются собственные центральные парки культуры и отдыха, призванные на финансовом, организационном и кадрово доступном уровне копировать столичный оригинал. В Свердловске проект ЦПКиО появляется в 1931 г., а сам парк, впрочем, в реаль-

ности весьма далекий от проекта, открывается для публики в 1933 г. (Рабинович, 2019).

Возникновение парков нового типа начинает радикально менять структуру всей парковой системы страны. Теперь акцент делается на увеличение размеров парков и количество их посетителей, что почти аннигилирует камерность парковых практик и значительно снижает возможность посетителей влиять на политику администрации. Кроме того, создание центральных парков культуры и отдыха снимает конкуренцию между городскими садами и парками: очевидно, что появление «центрального» городского парка самим фактом именованья задает новую иерархию садово-парковых пространств, на вершину которой искусственно поставлены новые образования.

Новая иерархия разрушает логику парков для «своих» (коллег по работе, членов одного клуба, одного профсоюза и др.). В парке при клубе, фабрике, профсоюзе посетители преимущественно знакомы друг с другом, их объединяют общие интересы – сфера деятельности, место работы, район проживания. Посетители ЦПКиО зачастую не знакомы друг с другом, живут в разных районах города, относятся к различным, часто не пересекающимся социальным стратам. Важно также, что посетители парков не принадлежат к организациям, напрямую организующим или курирующим работу парка. Следовательно, возможность горожан влиять на парковую политику значительно сокращается. Последнее сказывается и на локальных парковых пространствах: централизация всех сфер жизни делает их зависимыми от задаваемого ЦПКиО образца, который, чтобы не отставать, вынуждены копировать небольшие сады, что в очередной раз уменьшает возможности горожан воздействовать на парковую политику.

Окончательно, как нам представляется на основе изучения архивных документов и прессы того периода, «право на парк» теряется гражданами с середины 30-х гг. В 1935–1936 гг. происходит поворот в области государственной политики в сфере парковой культуры. Гласно и негласно искореняется чрезмерная политизация в парковой сфере, снижается градус пропагандистских мероприятий и их количество: «ЦК ВЛКСМ указывает, что в работе целого ряда культурных учреждений, особенно в парках культуры и отдыха, имеется много извращений. <...> В домах отдыха при парках, в работе массовок, экскурсий наблюдается чрезмерная загрузка времени отдыха политической работой. <...> ЦК ВЛКСМ предлагает всем комсомольским организациям: <...> 3. Запретить комсомольским комитетам создание в парках культуры и отдыха различных стационарных политшкол и семинаров, устройство в выходные дни выездных конференций, перевыборных собраний, политслетов и т. д.»¹. Гражданам разрешается просто отдыхать в парке, а в отдыхе ставится акцент на танцы, музыку, аттракционы, прогулки, катание на лодках. Однако посетители лишаются возможности формировать и контролировать содержание парковых активностей. Из творцов досуговой повестки граждане становятся пассивными потребителями универсальных мероприятий, «спускаемых» из столичных методических

¹ Постановление ЦК ВЛКСМ (по докладу Горьковского горкома и Сокольнического парка культуры и отдыха им. Бубнова) «О летней массовой работе». *На смену!* (1934, 1 июня). С. 3.

отделов и подвергаемых лишь минимальной региональной обработке на основе климатических, этнических и иных факторов. Можно констатировать, что изменение подходов к работе с посетителями проходит в одном русле со смысловыми трансформациями понятия «гражданин» и конструкта «гражданственность»: если в течение 1920-х гг. сохраняется возможность проявления самостоятельности и активизма, а в публичной сфере циркулируют отсылки к свободе и равенству в правах, то в начале 1930-х гг. уходит возможность быть полноценно действующим, активным субъектом, менять среду своего обитания или хотя бы влиять на нее, а социальная иерархия (отражающаяся, в числе прочего, в иерархии пространств) становится более явной и усиливается. А это, как известно по историческому контексту, хорошо согласуется и с ужесточением политического режима.

Заключение

После завершения выступлений докладчикам были заданы уточняющие и проблематизирующие вопросы. В ходе дискуссии наметились следующие тематические направления: идеальная гражданственность – что это такое и возможна ли она; советская квазигражданственность, предполагающая лояльность к государству со стороны людей, но не предполагающая гарантий их прав государством, – какими конкретно средствами ее формировали в ходе работы с посетителями парков; аполитичный досуг в парках второй половины 1930-х гг. – насколько этот досуг действительно был не нагружен идеологией, какое место в нем занимали спортивные занятия с милитаристическим акцентом, какова его роль в конструировании квазигражданственности; потенциал парковых пространств выступать площадками выражения альтернативной гражданской позиции – являлся ли ЦПКиО им. В. Маяковского местом протестов, подобно скверу около театра драмы в Екатеринбурге, и мог ли он быть таковым; особенности поиска и атрибутирования визуальных источников (фотографий) изучения истории парка – где именно были найдены использованные в презентации второго доклада фотоснимки парка и что позволяло их датировать.

По окончании дискуссии докладчики анонсировали направления дальнейшей работы в рамках проекта «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга», а также поблагодарили всех участников семинара за внимание к своим материалам, интересные вопросы и плодотворную дискуссию.

Список литературы

1. Воробьева, М.В., Рабинович, Е.И. (2021). О месте идеологии в работе советских садов и парков 1920-х – начала 1930-х годов (на примере г. Свердловска). *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*, 27(3), 101–112. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>
2. Дуринова, Г.В. (2015). Слово и понятие гражданин в русском языке XVIII в. (К вопросу о лингвистической основе истории понятий). *Вестник*

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология, (1), 18–38. <https://doi.org/10.15382/sturIII201541.18-38>

3. Кухер, К. (2012). *Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941*. М.: РОССПЭН.

4. Малинова, О.Ю. (2006). Политическая культура в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая наука*, (3), 7–30.

5. Мартынов, М.Ю., Фадеева, Л.А., Габеркорн, А.И. (2020). Патриотизм как политический дискурс в современной России. *Полис. Политические исследования*, (2), 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>

6. Патрушев, С.В., Кучинов, А.М., Мирясова, О.А., Недяк, И.Л., Павлова, Т.В., Филиппова, Л.Е. (2020). Формирование гражданской ответственности в России. *Социологическая наука и социальная практика*, 8(1), 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>

7. Рабинович, Е. (2019). *Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского*. Екатеринбург: TATLIN.

8. Синявский, А.Д. (2001). *Основы советской цивилизации*. М.: Аграф.

9. Фан, И.Б. (2013). Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 13(1), 67–82.

10. Фан, И.Б. (2009). Права и достоинство российского гражданина. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, (9), 141–157.

11. Фан, И.Б. (2010). Модель гражданина Модерна: время дифференциации и транснационализации. *Политическая наука*, (1), 173–191.

12. Фан, И.Б. (2021). Гражданственность в публичном дискурсе России. *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(1), 74–83. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-74-83>

13. Фан, И.Б., Багичева, Н.В. (2021). «Поднять инстинкты на вершину сознательности»: «новый человек» в идеологическом дискурсе большевиков. *Политическая лингвистика*, (5), 86–97. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_10

14. Alexander, J. (2000). *Political culture in post-Communist Russia: Formlessness and recreation in a traumatic transition*. New York: St. Martin's Press.

15. Almond, G. & Verba, S. (1989). *The Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. London: Sage.

16. Rosenbaum, W. (1975). *Political culture*. New York: Praeger.

References

1. Alexander, J. (2000). *Political culture in post-Communist Russia: Formlessness and recreation in a traumatic transition*. New York: St. Martin's Press.

2. Almond, G. & Verba, S. (1989). *The Civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. London: Sage.

3. Durinova, G.V. (2015). Slovo i ponyatie grazhdanin v russkom yazyke XVIII v. (K voprosu o lingvisticheskoy osnove istorii ponyatij) [The world and the notion citizen in the Russian language of the 18th century: The problem

of the linguistic basis of the history of concepts]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*, (1), 18–38. <https://doi.org/10.15382/sturIII201541.18-38>

4. Fan, I.B. (2009). Prava i dostoinstvo rossijskogo grazhdanina [Rights and dignity of Russian citizen]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, (9), 141–157.

5. Fan, I.B. (2010). Model' grazhdanina Moderna: vremya differenciacii i transnacionalizacii [The model of Modern citizen: Period of differentiation and transnationalization]. *Politicheskaya nauka*, (1), 173–191.

6. Fan, I.B. (2013). Politicheskoe uchastie v Rossii: isklyuchenie «pod prikrytiem» vkladyeniya [Political participation in Russia: Exclusion under “camouflage” of inclusion]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 13(1), 67–82.

7. Fan, I.B. (2021). Grazhdanstvennost' v publicnom diskurse Rossii [Civic consciousness in Russian public discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 15(1), 74–83. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-74-83>

8. Fan, I.B., & Bagicheva, N.V. (2021). “Podnyat' instinkty na vershinu soznatel'nosti”: “novyj chelovek” v ideologicheskom diskurse bol'shevikov [“Raise instincts to the pinnacle of consciousness”: “A new man” in the ideological discourse of the Bolsheviks]. *Politicheskaya lingvistika*, (5), 86–97. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_10

9. Kucher, K. (2012). *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epohu, 1928–1941* [Gorky park. Leisure culture in the Stalin era, 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN.

10. Malinova, O. Yu. (2006). Politicheskaya kul'tura v rossiiskom i anglo-amerikanskom nauchnom diskurse [Political culture in Russian and Anglo-American scientific discourse]. *Politicheskaya nauka*, (3), 7–30.

11. Martynov, M. Yu., Fadeeva, L.A., & Gaberkorn, A.I. (2020). Patriotizm kak politicheskii diskurs v sovremennoi Rossii [Patriotism as a political discourse in modern Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>

12. Patrushev, S.V., Kuchinov, A.M., Miryasova, O.A., Nedyak, I.L., Pavlova, T.V., & Filippova, L.E. (2020). Formirovanie grazhdanskoi otvetstvennosti v Rossii [Formation of civil responsibility in Russia]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 8(1), 27–47. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7093>

13. Rabinovich, E. (2019). *Central'nyj park kul'tury i otdyha im. V. Mayakovskogo* [Central park of culture and recreation named after V. Mayakovsky]. Ekaterinburg: TATLIN.

14. Rosenbaum, W. (1975). *Political culture*. New York: Praeger.

15. Sinyavskij, A.D. (2001). *Osnovy sovetskoj civilizacii* [The basics of Soviet civilization]. Moscow: Agraf.

16. Vorobyeva, M.V., & Rabinovich, E.I. O meste ideologii v rabote sovetskix sadov i parkov 1920-x – nachala 1930-x godov (na primere g. Sverdlovsk) [About the place of ideology in the work of Soviet gardens of the 1920s – early 1930s (on the example of Sverdlovsk)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 27(3), 101–112. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>

Информация об авторах

Ирина Борисовна Фан, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: irina-fan@yandex.ru

Евгений Ильич Рабинович, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>, e-mail: svet-evg@mail.ru

Мария Владимировна Воробьева, кандидат культурологии, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Information about the authors

Irina Borisovna Fan, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1816-9245>, e-mail: irina-fan@yandex.ru

Evgeny Iljich Rabinovich, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7718-8564>, e-mail: svet-evg@mail.ru

Maria Vladimirovna Vorobyeva, Candidate of Culturology, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8093-0878>, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru